

Старая дорога

(цикл стихов 2013 -2016 гг.)

Когда я на горный ступил перевал,
по маковку белой крупой заметенный,
я веру обрел, а слова потерял.
И снег по лицу покатился соленый.

Открылась долина, и брызнула даль.
В дыму абрикосовом утро лежало.
Как бил по щекам поднебесный февраль!
От лета лесного осталось так мало.

Я вышел за неба дубовый порог
душою, безмолвием, всей немотою...
Всё вовремя было даровано, в срок.
И впрок отпускалось так щедро Тобою.

* * *

Я нашел тебя, Господи, в сердце моем.
Бедным сердцем нашел, сокрушенным Тобою.
Вот замшелую дверь отпираю ключом,
дом сосновый пронзительно пахнет смолою.

Синий сумрак разбух, отсырела постель.
С проливного дождя начинается лето.
Я с Тобою одно, мы едины теперь.
Но словами отныне не выразить это.

Затянуло ствола золотую версту,
сучья рыжие, темно-зеленую хвою.
В этом доме я вырос, в него и вращу.
Здесь я, Господи, вот я, стою пред Тобою.

* * *

Крыши убелил и вывески
долгожданный снегопад.
Всеми хлопьями искристыми
облепил меня до пят.
И обнял крылами белыми
душу до таких глубин,
что глядел я вечность целую
в небо
или – миг один.

* * *

Христос воскрес, восстал из мертвых, но
не как из почвы брызнувший росток,
не как земли хмелящее вино,
не как травой усвоенный урок.

Христос воскрес, восстал из мертвых, но
не как исполненный весенних сил
прозрачный воздух; и не как окно,
которое я снова растворил;

не как журчащий весело ручей;
не как звезда неведомых миров;
не как цветы лиловые полей;
не как плоды тяжелые садов.

Узнать Его земных не хватит глаз.
И сил, и жил не хватит никаких.
Христос восстал из мертвых только в нас!
На глубине такой, где нет слепых.

Где нет привычных очертаний рук.
Где нет знакомых запахов и снов.
Где Он с тобою говорит как друг.
Где и не нужно даже нужных слов.

И вот тогда нам, кажется, дано
Его увидеть. Воздух полон Им.
И входит в растворенное окно
весенний день, сияющий, как нимб.

* * *

Как земляника ранняя горчит!
Как рыжий ствол печален на закате!
Я замолчу, и Бог заговорит
на языке, который всем понятен.
И разольется в небе киноварь.
И луч последний так вонзится в душу,
что все отдаст она за Твой букварь,
за то, чтобы саму себя дослушать.

* * *

На излете июнь. Чем отвечу я дальнему грому?
Постепенно темнеет, становится все незнакомым.
Поднимается ветер. Березы вершинами плещут.
Этот медленно меркнувший воздух не мне ли завещан?
Этот млечник и мятлик лесной, эти дали и доли?
Но короткая молния вдруг небеса распорола.
Не прошла стороною гроза, шалым краем задела.
Огнедышащей твердью омыла и душу, и тело...

Сколько минуло, боже ты мой, а берет за живое,
эта черная, мокрая крыша, гнездо родовое.
Не опишешь того, что любому до боли знакомо.
Как блуждала по гулкому дому июльская дрема.
Как сосна за окном поколения три не сводила
взгляда с нашего клана, рогами бодая стропила.
А когда умирала, роняя огромные сучья,
все прощала смолою горючей, иглою летучей...

Просыпаюсь и знаю, что лучше уже не бывает.
По своим же следам возвращаюсь к еловому раю.
Мне легко и привольно по старой дороге идетя.
Как туманны, хрустальны снопы восходящего солнца!
Бор сосновый сверкающий каплями, медный, тенистый.
Как лучи земляничного утра влажны и душисты!
Птаха прынет, за нею слежу лихорадочным взором.
Затрещит всеми перьями, как плоскодонка мотором.

Засинеют фиалка и шпажник. И это дороже
всех побед под луною. И где зацветет подорожник,

там и Царствие Божие. Дальше – полынь и марьянник.
Я вернулся, и к речи припал очарованный странник.

* * *

Я Тебе благодарен, Небесный Отец,
за июнь, медуницу и пижму,
за судьбу как у всех, стрелолист и чабрец.
И за то, что я слышу и вижу.

Близок вечер, до смерти еще далеко
или... Что от гадания толку?
Бледнокрылая бабочка в черном трико
опыляет бордовую смолку.

От сосны через душу прокинут к сосне
фиолетовый мост паутины.
Всей листвой поднебесною плещут во мне
дальних лип молодые вершины.

Это все, чем лесная душа дорожит,
чем от века она обладала.
Тень просторным узором дорогу пятнит.
Боже мой, разве этого мало?

За порогом корней начинается лес.
Края хвойного полная чаша...
Начинается Бог за порогом небес,
там, где сердце сбывается наше.

* * *

Синий купол, зеленый шатер,
предвкушение рая.
Где сосновый раскинется бор,
там душа замирает.

И огонь по нему, и топор
хорошо погуляли.
Веет гарью в лесу
до сих пор
от плешин и прогалин.

Но стоит невесомый собор,
служит вечный кузнечик.
И приволье такое, простор,
что измерить и нечем.

* * *

Сквозь иглу пробивается луч золотой.
Я стою в тишине у могучих корней.
Мы с Тобою одни на дороге лесной.
Все, что было и будет, – во власти Твоей.
Корабельная даль залита янтарем.
Луч пронзает ручей и сверкает на дне.
Тишина у корней. Мы с Тобою вдвоем.
Полной власти над нами не нужно Тебе.
Неприметно за камешком время течет.
Ткется жизни студеной незримая нить.
Все сбылось, что загадывал, Отче.

Еще

загадать не успел я – сбылось...

Так и жить.

Дело рук Твоих эта непрочная плоть.
Глубина непорочная быстрой воды.
Ты проточную душу заметишь, Господь.
Ты возришь на нее со Своей высоты.
И войдешь в эту душу небесным огнем,
тишиною живой, беззащитностью всей,
колыханием ветки еловой, ручьем,
всем С собой.

На рассвете войдешь.

У корней.

* * *

Раздвину косматые ветви, замру –
сохатого я повстречаю в бору.
Мне станет неловко – я видел царя.
И я осужден, и помилован я.

Стояли, и луч между нами висел...
Откроются тайны не сразу, не все.
Но всё, что я вижу и чем дорожу,
на долгую память узлом завяжу...

Я выйду навстречу лесному лучу.
И сердце ему безоглядно вручу.
И хвойному свету отвечу: «Я здесь!
Ты видишь?

Не телом и духом, а – весь».

* * *

Кем я был, кем я стал, кем я буду, спрошу у дороги,
что изведаль я в жизни, а что мне еще предстоит.
Взглядом небо окину и склон густолиственный пологий.
На березу сосна навалилась и тихо скрипит.

Вот и жизнь начинается. Чистая взмокла рубаха.
Птицу серую видел в лесу я, потом на лугу.
Славка, пеночка? Кто же ты, звонкая юркая птаха?
Я тебя разглядеть не могу и узнать не смогу.

Всюду птицы Твои, о которых я знаю так мало.
Как Тебя прославляют певуньи лугов и лесов!
И моей благодарности нет ни конца, ни начала.
И уже не найти мне единственно правильных слов.

* * *

И станет серым то, что было синим...
Накрапывает. Тянется осинник.
Охваченный невидимой бедою,
он смотрится в меня лежалой мглою.
Тяжелым илом с Волги потянуло.
В своих сетях снует паук сутулый:
чешуйки, души, все, что шелестит
и носится, мерещится, блестит,
добычей станет. От болиголова
рябит в глазах. Земных вещей основа
сквозь дождик проступает угловато...
Во всем погода эта виновата.

И станет серым то, что было синим...
И кажутся напрасными усилья.
Кружится сердце, носится в потемках,
в осинах частых-частых, тонких-тонких.
И вдруг Твоих просветов переключка.
Ты наизнанку вывернул, на ничку
мою тревогу, мой нелепый страх,
мой прах, лишив его законных прав.
Дождь теплый стал накрапывать упрямей,
приветливей. Осины между нами
пошли дружнее, тьма спустилась быстро...
Где тьма густая, там и Божья искра.

* * *

Невесомее облака,
беззащитнее тела,
Он слабее проломника,
лепестков его белых.
Бескорыстно прощающий,
потому – Всемогущий.
Власть Свою отметающий.
Плоть Свою отдающий.

Не затем Он явил нам
василек и мордовник,
не затем осветило
солнце ясьень огромный,
чтобы в страхе, униженно
перед Ним трепетали.
Не о том сосны рыжие.
Не про то эти дали.

Все любовью спасается –
вот о чем эти ветви
шелестят и качаются.
Вот о чем эти ветры.
Дай мне слабость великую
без конца и без края!
Я Твоей земляникою
ее призываю.

Тьму осилю я внешнюю –
ту с Тобою разлуку.

Дай мне слабость нездешнюю,
чтобы вынести муку.
Эту слабость высокую,
что во мраке светила,
что становится силой,
даже смерть превозмогшую.

* * *

Лесная глушь, и час прохладный, ранний.

И никого. Здесь только Бог и ты.

Оглянешься, и сразу ясно станет –

здесь только Бог, деревья и цветы.

* * *

Изгонял торгующих из храма,
обличал и гневался, но знал,
что не так поведает о самом
выстраданном;

не помыслит зла;

что Своей поступится победой
и осмеян будет;

не дыша,

по воде за Ним пойдет,

по следу

на воде прозревшая душа.

Знал всегда – сводить не станет счеты,
всех простит, за всех пойдет на крест;

за слезами, за кровавым потом
разглядит Отца и этот лес,
каждую иголку и былинку.

Знал, что будет предан и не раз.

Верил – в этом вечном поединке
с тяжестью

нуждаться будет в нас.

Знал, что мы во всем Ему откажем,
прославляя,

но взошел на крест;

что полюбим властвовать,
но даже и тогда Отца призвал с Небес
не затем, чтобы обрушить небо.

Он, как умиравший человек,
звал Того, Кто нами прежде не был,

с Кем от века связан был навек...

Замысел великий не постигнуть.

Обернись назад и помолчи.

Вижу я рыжеющие иглы,

корни, что от солнца горячи.

Верю я – Ты стал отныне нами,

нами всеми...

Ирис и тимьян

пусть расскажут синими цветами

как вместить мне, Господи, Тебя.

* * *

Ничего своего у сосны:
ни кола, ни двора, ни вины.
Но слезами и теплою медью
небеса умоляет помедлить,
не вершить, если можно, суда,
и судом не пугать никогда.

Ничего своего у сосны.
Ей любые хоромы тесны.
И ее неземные чертоги
небу летнему бросятся в ноги,
умоляя не жалить огнем,
пожалеть нас и ночью, и днем.

Ничего своего у сосны,
только целая вечность и – мы.
И на нас изумрудная крона
надевается, словно корона...
Но дугою изогнутый ствол –
неотмирного царства престол.

* * *

Сквозь густую листву пробивается свет.

Сквозь меня он пробился, меня уже нет.

Я прорежен лучом, он коснулся плеча.

Я бесплотен уже, но ладонь горяча.

Я незримую чую, единую нить.

Ради этого стоит себя пережить.

Ради этого стану густою листвой,

чтобы луч сквозь себя пропустить золотой.

* * *

Насквозь лучами пробитые кроны.
Лепет плывущих по небу ветвей.
Вслушайся в эти осины и клены.
Не отвлекайся от сути своей.

И на яру, и в овраге глубоком
на тишину тишиной отвечай.
И позабудешь себя ненароком.
И повстречаешь себя невзначай.

* * *

Начало жаркого июля.
Рыжеет стебель. Комары
не выставляют караула.
Не точат слепни топоры.

Перестояла земляника,
усохла, скоро отойдет.
Трава пожухла, и поникли
цветы, и горек будет мед.

Но если мы пригубим брагу,
настоенную на меду,
она в сердца вселит отвагу
и злую отведет беду.

* * *

Лишь солнце сядет и взойдет заря,
смотри, смотри, не отрывая взгляда,
как нежный свет проходит сквозь тебя;
как тает на его пути преграда;
как догорает медленно костер,
и как огонь не светит, а сияет;
как этот мягкий и последний взор
пронзает душу, и душа зияет.

* * *

Сойду с горячего бетона.

Лениво оплетет колени
цикорий, сероглазый вейник,
нивяник белый, жёлтый донник,

горошек, луговая мята.

Душистый луг, подай мне силы!

Я снова думаю о милой,
как перед нею виноват я.

Придите ветры на подмогу!..

Мы предназначены друг другу,
как вейник и душица лугу,
а души любящие – Богу.

* * *

Сколько шальных стрекоз налетело сюда!
Им и солнца, и жизни отпущено мало.
Крыльев огненно-рыжих трепещет слюда.
В час творения так же она трепетала.

И когда Ты меня и еловый простор
воздвигал, то сосна послужила отвесом.
И ручные летуньи со мной договор
заключили под синими сводами леса.

Я позвал Тебя, имя Твое произнес.
Ты откликнулся всей тишиною Завета.
И потрескивал воздух от рыжих стрекоз,
до мерцавшего края наполненный светом.

* * *

Невзрачный дом, за ним лежит река.
Тяжелая волна молчит о снеге.
На миг мы вместе или на века?
Под потолком плафон мерцает пегий.

Я повзрослел. Состарилось окно.
Свет в небесах малиновых растаял.
Я старым стал. И за окном темно.
Но тайна сердца остается тайной.

Бессонный свет идет от наших тел.
Бездонный мрак спешит ему навстречу.
На плечи лягут мята, чистотел.
Бессмертен дух, и наши души вечны.

Люблю тебя, люблю багровый лес,
холодный дождь, идущий в штыковую.
Когда не будет нас, я вспомню вес
твоей слезы: впотьмах тебя целую.

Я не забуду, как ты горяча,
как беззащитна подлинная сила...
Ты слышишь, осень бьется о причал?
Ты видишь небо?.. Господи, помилуй!

* * *

Ты уже не один. Я уже не один.
И никто не стоит между нами.
Я увижу Тебя за стволами осин
у реки, потемневшей с годами.

Я увижу Тебя наяву, не во сне,
лишь затянет туманом низину.
Я узнаю Тебя по скрипящей сосне,
так протяжно скрипящей, призывно.

Теплый ветер гуляет в живых небесах
и качает могучие кроны.
Я стою на Твоих занебесных весах
в изголовье волны полусонной.

И не знаю, какую дорогу и тьму
предстоит мне осилить с Тобою...
Своего я уже ничего не возьму
в небеса, что горят за рекою.

* * *

Кружат бабочки масти тигровой
над сырым, но горячим песком.
Рядом вьется предмет гардероба –
черно-рыжий халат с пояском.

Мельтешение крыльев нарядных
и наряды крылатых наяд.
Оторву ли от вас, ненаглядных,
свой исполненный нежности взгляд?

О, плясуньи мои дорогие!
Где вы были, когда снегопад
засыпал перелески нагие,
долго хлопья швырял наугад?..

Дождь прошел, но какое же пекло.
Вы вернулись, вы снова со мной!
Вы воскресли, душа не ослепла,
и рисунок не стерся цветной.

* * *

Блаженствует! Блаженствует!
Дождался клен дождя.
Так первого пришествия
ждала душа моя.

Пролилось небо летнее.
Боярышник восстал.
Сияние, волнение,
кипение куста.

Душою, с нашей схожею,
поет, ликует лес.
Омылся силой Божьею
и всей листвой воскрес.

Из ковшика ольхового
напился муравей.
И снова жизнь дарована.
И столько смысла в ней!..

Все реже капли падают,
синеет край небес.
А надо ли, а надо ли
душе еще чудес?

И тонко птаха тенькает.
Все звонче жизни клич...
И тайна воскресения,
которой не постичь.

* * *

Сколько, Господи, нужно и сил, и трудов положить,
чтобы ночью стоять у реки, ничего не желая,
и как будто бы заново реку и ночь сотворить.
Мне слова не нужны, чтобы иву речную спросить,
как на берег песчаный волна набегаёт косая.
Мне не нужен язык, чтобы с Богом вести разговор.
Но любви, сколько нужно любви и как много вниманья,
чтобы этот единый речной и небесный простор,
между ним и душою едва ощутимый зазор,
оставался навеки сокрытою тайной.

* * *

Сова пролетела в сырой полутьме.
Так низко, так близко!
Раскинула крылья седые во мне,
рассыпала искры.

Особый доселе неведомый страх
мне в душу вселила.
Крыла оловянного пасмурный взмах
растаял в осинах.

И я не забуду, как долго стоял,
а может быть, падал
в какой-то бездонный и светлый провал.
Искал ее взглядом.

* * *

Мы построили дом одиноких сердец
на крутом берегу судоходной реки.
Стружку с досок снимал загорелый отец,
мама рыжую белку кормила с руки.

Я не слышал их жизни. Я жил налегке.
А теперь утираю слезу кулаком.
Оглянусь и увижу баржу вдалеке,
то ли щебнем груженную, то ли песком.

Я не знал, что они разойдутся спустя
десять лет, но уже замечал, как суров
он бывает: смолчит и белки закипят;
а она вдруг устанет смертельно от слов.

Пустотелая, словно бутылка, стена
искажала их голос, похожий на гул.
«Можно все пережить, кроме жизни!», – она
закричала. И он опустился на стул...

Мы построили дом у великой реки.
Под густою, как мех, изумрудной иглой.
И сосновые брусья казались легки.
И стропила взмывали над нашей судьбой.

* * *

По опустевшему лесу бродить,
так, наугад, безо всякого дела,
чтобы душа замирала и пела,
но не теряла единую нить.

Елки густые, мохнатый паук,
листья сухие, попавшие в сети,
и луговая прохлада столетий.
Все это сразу, и все это – вдруг.

Всюду угадывать и примечать
взглядом внимательным, внутренним взором
не отпечаток с размытым узором,
а ту, единственную печать.

Но обойденных ты здесь не найдешь.
Все драгоценны. Повсюду Создатель.
Каждому зяблику выдано платье.
Каждая капля – алмазная брошь.

Липа роняет лимонный листок.
Ветер качает сосновые мачты.
Все, что загадывал, знаю, иначе
сбудется, но обязательно в срок.

Затрепетала березка, дрожит.
Как же скромна, но одета по чину.
Старый пустырь затянуло лещиной.
Души повсюду, и нет ни души.

Господи правый, как здесь хорошо!
Ясного дня расправляются плечи.
Ласкою куст можжевельный лечит.
Целую жизнь к этой жизни я шел.

Дню золотому не видно конца.
Быть незаметным и всюду единым.
Не горизонты победно раздвинуть,
а за твореньем увидеть Творца.

* * *

Там голые кусты,
и дуб стоит нагой.
Сотлевший не хрустит
валежник под ногой.

Там влажная земля
и стелющийся плющ.
Спускаешься, скользя.
Цепляешься за луч.

Какой крутой откос!
Какой глухой овраг!..
Сошел во ад Христос
не как ведун и маг.

Он умер на кресте,
стена и дрожа.
Мне, кажется, везде
Его следы лежат.

Не как Небесный Царь
вернулся Бог домой.
Он умер до конца,
и телом, и душой.

Копытень обметал
оскалившийся склон.
В душе моей провал,
земля со всех сторон.

А каково Ему?
Во ад, а не в овраг.
Не в эту полутьму,
а в запредельный мрак?

И нам идти за Ним.
И с нами Он навек.
Не чудо-исполин,
а – слабый человек.

Но слабому дано,
его ведет Господь,
небесным стать огнем
и смерть перебороть.

Воскресший в глубине
окликнутых сердец,
какой бездонной тьме
Он положил конец!

* * *

Оглянусь я и взгляд задержу
на прильнувшей к забору осине.
Я уже никуда не спешу.
Вижу каждого дерева имя.

Пронесутся нестройной гурьбой
пожелтевшие круглые листья.
Я по имени знаю любой.
Даже этот, а их не исчислить.

На ладони лежат имена.
И раздать их Адаму несложно.
Зверобой, чистотел, череда.
Вот они, я их чувствую кожей.

Заалел бересклетовый куст
и усеял дорожку листвою.
Как закатное зарево пуст.
В небесах вижу имя его я.

И налился шиповник огнем,
и земле поклонился шипами.
Вижу имя, горящее в нем,
словно в лампе гудящее пламя.

Отражаются в темном окне
рыжеватые перья заката...
А незримое имя во тьме
пребывает, но тьмой не объято.

* * *

Мягкий осиновый свет и высокие травы.
Снова дорога петляет, а небо молчит.
Звонкая пеночка истово Господа славит.
Милая, как же молитвы твои горячи!

Прянула в заросли, душу излила и смолкла.
И превратилась в резную, сквозную листву.
Господи, как же учиться приходится долго
радости, и неприметности, и волшебству!

Тянутся к плеску вершин, о себе забывая,
темные корни и блестящие небеса.
В этих местах, только в этих, других я не знаю,
сходятся души и слышат свои голоса.

* * *

Я покинул берлогу
городскую свою.
Я шагаю не в ногу.
Я уже не в строю.
По широкому логу
я иду и пою.

Я по руслу оврага
пробираюсь к реке.
Я осенний бродяга.
Я иду налегке.
И такая отвага
в легкой палке, в руке.

Ну уж как без забора!
Ну уж как без дыры!
И родные просторы,
как иные миры,
открываются взору:
небо,

Волга,
обрыв.

* * *

Навстречу Богу не пойду.
И слова не нарушу.
Я – дерево в Его саду.
Не выйти мне наружу.
Я не снаружи, я – внутри.
Я – дерево и глина.
Отец, войди и говори.
Но с места я не сдвинусь!
Отец, войди и будь со мной.
Нет тяжбы между нами.
Зашелести моей листвой
и загуди ветвями.
Я – дерево, я глина, сад,
я – роща за забором
и августовский звездопад,
и всё, чем стану скоро.
Пылинкой, бликом, ветерком –
не важно, чем я буду.
Отец, когда войдешь Ты в дом,
я о себе забуду.

* * *

Взявшись за руки, шли по тропе мы,
и вдруг
увидали медянку.

Она издыхала.

И сменился на жалость невольный испуг.
Ты детей обняла.

И неловко нам стало.

Кто-то острой лопатой змею разрубил.
Как она уходила в последние кольца!
И смотреть на агонию не было сил.
И глаза отвели, как отводят от солнца.
Заспешили.

Никто ничего не сказал.

Даже младший, который как будто бы понял,
как змея умирала...

А был он так мал,
что и мы сострадали ему поневоле.

* * *

Перекликались ястребы протяжно.
Кружили над гнездом своим то врозь,
то вместе. Рассекали воздух влажный,
пронзали свет рассеянный насквозь.
Внезапно ты становишься помехой,
угрозой. Тонкий сдваивали крик,
друг другу вторили, подобно эху,
но с разницею в миг.

Я докучать не стал. Что знают люди
про их немногословные сердца?
Я слышал, ястребы однажды любят.
И пары неразлучны до конца.
И взгляд скользил и упирался снова
в осины молодые, в глубину.
Зеленый дым деревьев невесомых
все небо затянул.

К полудню вышел к просеке. В зените
я снова их увидел. И душа
держала крепко золотые нити
лучей, пока парили неспеша
два ястреба. И вдруг они застыли.
И закричали прямо в белый свет.
О чем? Бог ведает... Любви бескрылой
не может быть, и нет.

* * *

Береговой трясинный воздух
Ты сотворил его любя.
Ты мир не выдуманный создал.
А мир... Он выдумал Тебя.
Мир сотворил Тебя по мерке,
которая ему под стать.
Но этот воздух теплый, терпкий,
и розовеющая гладь
воды, и беглый шепот пены,
мостки и дырки от гвоздей
помогут мир несовершенный
принять...

Я верю, Ты – везде.

* * *

И устремляется в зенит
могучая сосна.

И медь отвесная звенит.

И жизнь на всех одна.

Одна, одна. Не расплескать
бездонный океан.

И всех лучей не сосчитать.

Гуди, лесной орган!

И смотришь, замирая, вверх.

Сосну Господь воздвиг.

Одно бессмертие на всех.

Какое? Этот миг.

* * *

Солнце в зените, сомлела осина.
Жук изумрудный ложится на спину.
Лист пожелтевший ложится к листу,
и засыпает еще на лету.

Не досаждают настырные осы.
Так раскрывает объятия осень.
Но ненадолго. Зарядят дожди,
снова три дюжины луж обойди,

за ночь лесная раскиснет дорога.
Но не раскиснет душа, слава Богу.
Вновь соберется и станет сквозной...
Дрема, истома, полуденный зной.

* * *

Я снова тайну вызнал,
а может быть, возрастил.
Во мне Податель жизни,
Единодавец сил.

Бог в сердца сердцевине.
Он там, где нет меня.
Он – этот купол синий
из ветра и огня.

* * *

Ночь глухая. Я на старой даче.
В этих стенах дышится иначе.
Красный чай покрепче заварю.
О Тебе с Тобой заговорю...
Стул со скрипом, радиола «Кама».
Вот и облетела амальгама
зеркала, и мой проходит взгляд
сквозь него... как сорок лет назад.

Ясно вижу времени изнанку:
маму с белкой и отца с рубанком.
Сорок лет...

А может быть, веков?

Зеркала уводят далеко.
Не такой ли ночью сын Ревекки
Выносил всем сердцем образ некий –
лестницу и ангелов на ней?
Или глуше ночь была, темней?

Словно повинуюсь воле Божьей,
он заночевал на раздорожье...
На рубины раскололся мрак.
Сердце сжалось и раскрылось так,
что увидел он следы Господни:
в небо упиравшиеся сходни.
Огнеликий дивный мрак сиял.
Видел сон Иаков, но не спал.

В небесах захлопали полотна

крыльев, и спустился дух бесплотный.
Ветер налетел, поднял песок.
Он лежал, руки поднять не мог.
Смерть и жизнь стояли у порога,
но душа внимала только Богу...
Он глаза уставшие закрыл.
Он врата незримые открыл.

И обетование Иаков
получил великое, однако
Вседержителя спросил во сне:
«Дело Божье по плечу ли мне?»
Ангелы заглядывали в душу.
Светлоокому ответил: «Сдюжу!»...
Господи, как ночь Твоя темна!
Как душа Тобой обожжена!

Жаркие сердца Тебя искали.
Разверзались небеса и дали.
Ты являлся в облаке, в огне.
Ты уже тогда взошел во мне,
зрел и наливался, словно колос –
собственной души неясный голос.
Ты уже тогда вложил огонь
в сердце,
ключ невидимый – в ладонь.

Не темнее ночь была, не гуще
аромат ночной.

И если Сущий

замысел Иакову открыл,
если плеском невесомых крыл,
блеском кипарисовых ступеней
приковал и слух его и зренье
к тайне сердца – значит, ночь свята...
Эта ночь, она почти как та.

* * *

Я, кажется, не там свернул.
Сорвался желтый лист.
В груди моей осенний гул
и птичий пересвист.

Троплю дорожку на авось.
Гляжу по сторонам.
Душа, пробитая насквозь,
открыта всем ветрам.

И все, что спрятано во мне,
и все, чем я богат,
найду я на лесной тропе,
шагая наугад.

* * *

Есть что-то больше смерти, больше жизни,
родного леса и реки родной.
Есть ты, моя небесная отчизна,
заветный мир, невидимый, иной.
Уже нельзя откладывать сыновство.
Над Волгою раскинулся закат.
Небесные рябиновые версты
огнем неугасающим горят.
Камыш переминается прибрежный.
Снуют мальки, огнисты, как хрусталь.
Воды высокой алый отсвет нежный.
И столько света, и такая даль!
Я вдох, и выдох разделю с Тобою.
И жизнь препоручу Тебе, и смерть.
Войду в закат, в прозрачный час покоя,
в небесный сад, в пылающую твердь.

* * *

Войду в туман... Столетней паутины
смахну с лица прозрачный циферблат.
Войду в туман, и в душу опрокину
за этот мир цепляющийся взгляд.

Там все как здесь, но только по-другому,
на глубине совсем другой живешь.
С той стороны всего, что так знакомо,
березе этой старой не соврешь.

Там облако, мерцающее высью,
на землю сходит с пасмурных небес.
Там кружатся сорвавшиеся листья,
теряя очертания и вес.

Там жизнь течет, согретая вниманьем,
присутствием Твоим за той чертой,
где явное так неприметно тайной
становится... и где огонь живой.

* * *

Бог верит в человека. Этой верой
мы живы. Дождь накрапывает серый.
Слова перебираю, и молитву
творю, и слово подчиняю ритму.

Но для чего слова? Как будто эти
дожди не видели всего на свете.
Веду дневник. Но разве это честно?
Как будто Богу что-то неизвестно.

Порядок слов, нарушенный Адамом,
уже не угадать. И что на самом
деле сказать хотел, вовеки не узнаешь.
Увы, за дело изгнаны из рая.

И все-таки порою в перелеске
вдруг вспыхнет слово в первозданном блеске,
без оговорок жалких, без оглядки,
и встанет в установленном порядке.

* * *

Мы сорок лет и сорок зим кружили.
Туманом желтым затянуло поле.
Почти ослепли мы от серой пыли.
Мы в этой хмари заблудились что ли?

Не помню кто мы, и не знаю где мы.
Армяк верблюжий в бахроме сосуллек.
Нет, я не слышу шелеста Эдема.
Гул нарастает оживленных улиц.

Не вижу я Земли обетованной.
Знакомый стул, корзина, запах ила.
Египет выплывает из тумана.
Еще моя похлебка не остыла...

И где же силы взять молчать и слушать
свистящий ветер, снова в путь зовущий?..
Как нежно вьюга обнимает душу.
Как тихо душу окликает Сущий!

* * *

Вчера мне рассказали про кита,
которого никто не понимает.
Он одинок от носа до хвоста.
Не узнает его родная стая.

Таинственный, как замок под водой,
и в замке ни души, но замок дышит.
Он тенью проплывает голубой.
Он все зовет, зовет... Его не слышат.

Не знает он о смерти на миру,
о вожаке. Ни друга, ни подруги.
Он издает непостижимый звук:
бездонный, словно баховские фуги.

Локаторы настроили киты:
нет никого. Киты не виноваты.
Он говорит на частоте звезды.
Напрасно... Звезды не признали брата...

Душа подобна синему киту –
изгнаннику, отступнику, пророку.
Затягивает песню, да не ту.
Душа, подобно Богу, – одинока.

Как синий кит, зовущий столько лет,
поймет, что не один на белом свете?..
На глубине глубин забрезжит свет.
И Бог ему как синий кит ответит.

* * *

Роняет лист озябшая осина.

Он долго кружится и забывает всё.

И память о листе наполовину

стирается со мной: не вспомню я о нем.

Однако он кружил и жил не даром,

и так неслышно слился с палою листвою.

Еще не черный, но изрядно ржавый,

с изнанки траченный, но все же золотой.

* * *

Покуда ноги носят,
в груди кипят ключи,
мой посошок, не посох,
по камешкам стучит.
Шаги чеканю звонко,
как перышки, легки.
Мне крупная щебенка
милее, чем пески.

И ляжет луч на пашню,
и туча набежит.
Когда погода пляшет,
с полудня ворожит,
то солнце не помеха –
и дождь идет косой.
Как птица под застрехой,
наохлился песок.

Ты мнешь его и месишь,
и вязнешь, но идешь.
И чуден, и чудесен
промытый солнцем дождь.
Огнем играют капли.
Темнеет неба прядь.
Нет, я докосолаплю.
Да тут рукой подать!

* * *

Зашумела июльская роща.
За стволами таятся стволы.
И становишься глубже и проще,
тише облака, легче золы.

И осиновый свет невесомый,
до земли наклонившийся свет, –
незаметная жизни основа.
И опоры надежнее нет.

* * *

Светило ходит по равнине
в сосновой шапке набекрень.
И столько золота и сини!
В разгаре августовский день.

Но я-то знаю, я-то знаю,
Чьё сердце эти льёт лучи.
Оно в груди, и это – тайна.
Пусть говорит. А ты – молчи.

* * *

Колонны деревянные айвана
отбрасывали тень на мудрецов
Аравии, Ирака и Ирана,
стянувшихся сюда со всех концов.

Их встретила святая. Улыбнулась,
улыбкой разрешая всякий спор.
Кивнула розам, потрепала мула.
Узнала ветер, налетевший с гор.

«Ты ненавидишь дьявола?» – спросили
подвижницу. Ответила: «Ничуть».
«Но как же так?» – «Мне это не по силам, –
призналась. – От любви не продохнуть».

Потупили глаза единоверцы.
Заметно поредело их число.
«Ты только любишь, Рабия?» – «Всем сердцем!
Где взять мне время ненавидеть зло?»

Лишь несколько паломников остались
у ног ее. И эти отошли,
когда заговорил дамасской стали
клинок, и брызнул черный сок земли.

В сердцах кипела ненависть к шайтану.
И каждый правду насаждал свою.
А Рабия молилась неустанно
за тех и этих, внемля соловью.

* * *

По сосне заповедной
топором саданули.
Ах ты бедный мой, бедный!
Дети улиц.

Был ты пьян, не иначе,
молодой работяга.
Словно плетью казачьей
бил с потягом.

Или это подросток
сгоряча или сдуру,
тот, кто чувствует остро,
всею шкурой.

Но сосна, истекая,
кровью белой, густою,
зла не помнит, прощает
нас с тобою.

* * *

Плутая, ходят между сосен
в рубахе мокрой небеса.
Комар проснулся, скоро осень,
а он проснулся, заплясал.
Дуб зеркала свои развесил
резные, влажные, в буграх.
Но свету лист волнистый тесен –
блестит дубовая кора,
разлапистый лоснится комель,
сверкает бор, бегут ручьи.
Промокший свет все невесомей.
Свет от воды не отличить.
Прошили струи дождевые
весь мир, и где мерцает нить,
там все и навсегда живые.
Дождь от души не отделить.
Дождь все идет и долго будет
идти, как принято в раю.
Он голову мою остудит
и душу распрямит мою.

* * *

Уже тополя на ветру не трещат.
И запах бурьяна слабее бензина.
Прощай, густолистое небо. Прощай,
сорняк, запустение, город старинный.

Газонокосильщик сотрет в порошок
пустырь подзаборный: пырей, повилику,
полыни кивающей брачный чертог.
Жить в городе голом никак не привыкну.

Люблю колокольню, огонь в небесах;
пустынные улицы и переулки;
собор Петропавловский весь в изразцах,
литья ярославского колокол гулкий.

Но стоит спуститься на шумный бульвар,
не здесь ли я был молодым и беспечным,
теряется, нет, замутняется дар
певучей приподнятой внутренней речи.

И я ухожу в облетающий лес.
Где с каждой березой могу быть собою.
Где меньше всего ожидаю чудес.
Где новому зареву душу раскрою.

* * *

Когда посередине леса
ты в середине сердца встал,
и прошептал: «Отец Небесный»,
и весь покой в себя вобрал,
тогда тебя уже не сдвинуть,
не опрокинуть, не разъять.
Ты – тишина и сердцевина,
отец и сын, сестра и мать.
И мир спасти еще не поздно,
но только сердцем, изнутри.
Как тихо! Мир еще не создан,
да мы сейчас его творим.

* * *

В душе живет Божественный Младенец.
Он беззащитен, Он тобой храним.
У колыбели этой не заменит
тебя ни человек, ни херувим.

Нет Бога, говоришь, раз был Освенцим?..
Еще не поздно взять Его ладонь
в свои ладони. Ты забыл Младенца
укрыть от бури, развести огонь.

Не отходи, послушай как Он дышит.
И ты Его оставишь одного?
Бог не на небе, Он гораздо выше.
Он в колыбели сердца твоего.

О чем тебе просить Его?.. Вот хворост.
Ты в этом доме сам сложил очаг.
Он не окреп еще, твоя опора.
Тебе за все придется отвечать.

Не забывай, с тебя Младенец спросит.
И будет прав... и некого винить...
Буди семейство и беги, Иосиф.
Твое дитя царь хочет погубить.

* * *

Я слышу Бога там, где лес шумит,
и где весь день один хожу теперь я.
На солнце лист – и вот уже в тени:
вдруг потемнеют облачные перья.
Там сердце тихо правду говорит,
где облетают медленно деревья.

Я слышу Бога там, где куст поет;
где лес рукой невидимой прорежен;
где сонмы душ пускаются в полет
с листом багряным; но обличьем прежним
смущать не станут, нет, наоборот,
незримые, вселяют в нас надежду.

* * *

И траками разбитая,
и травами укрытая,
дорога, в лес бегущая,
заманивает пущами.

Гони меня и гни меня,
но окликай по имени.
Ты выстоишь и выведешь,
не бросишь ведь,

не выдашь ведь...

И берега древесные,
и струги поднебесные,
над ельником плывущие,
за горизонт зовущие,

чащобы эти мглистые,
стволы твои тенистые,
что встали за обочиной,
одной рукой сколочены.

И лужа одинокая,
и колея глубокая,
и мотылек мятущийся,
и черный ворон вьющийся,

и белый куст анисовый
одной рукою писаны.
Одною волей вызваны,

на нить одну нанизаны.

Все тянешься, извечная,
пути подобна млечному...
Дорога, ты не пройдена.
Сорвется слово «Родина».

Старинное искусство листопада

(цикл стихов 2017г.)

Тише всех живут пророки.
С Господа не сводят глаз.
Куст сирени одинокий,
ты меня сегодня спас.

Всех Писаний сокровенней
и торжественней Псалма
белопенный куст сирени
у подножия холма.

В тишине живут пророки,
чтобы слышать Божий глас.
Наши не клеймят пороки.
Только молятся за нас.

2.06.17

Мы поле одолели и овраг.
Нельзя войти в один осинник дважды.
Все сбудется, но сбудется не так
как нам с тобой пригрезилось однажды.

В тазу эмалированном вода.
Мне трут лицо, попала в глаз ресница.
Желание исполнится, когда
желающий исчезнет, растворится.

Я помню руку мамину и смех.
Себя не помню. Только – смех и руку.
Был я. Желаний не было совсем...
Мы шли и шли по клеверному лугу.

7.06.17

Угрюмый, тусклый огонь желанья.

Ф. Тютчев

Под нами лодка, а над нами - свет.
Ты вся – призыв, почти неукротимый.
Но что-то там, в груди, сказало – «нет».
А как же эти волны, эти ивы,
огонь желанья и речной туман?
Но о своих желаньях забывает
река, когда впадает в океан.
И – океан, а не река желает.
Запруда, лодка эта и огни,
и ряска, и безумные надежды.
Забудутся, не сбудутся они.
Но океан сбывается безбрежный.
И стоит океану пожелать,
как тут же исполняется желанье...
И нам своих желаний не узнать,
не причастившись тайне узнаванья.

8.06.17

Мой летний лес, до самой Волги - мой.
Весь день иду, куда иду – не знаю.
В ладу глубоким с небом и судьбой.
Дорогу и судьбу не выбираю.

Я в этом полноводном, как река,
на части не расколотом мгновеньи.
В ладу глубоким с тем, что на века:
с листом березы, ветра дуновеньем.

Люблю зеленый дым, зеленый шум.
Веди меня, тенистая дорога.
Я ничего у Бога не прошу.
Мне нужен Бог. И – ничего от Бога.

10.06.17

Сухой валежник, ландышей семья,
лучистых одуванчиков кочевье.
Я забываю самого себя.
Откуда я? Пришел сюда зачем я?
Но связь со всем, что ширится, растет,
как дерево; таинственно, как остров;
клубится, зреет, носится, поет,
зовет; чему название дать непросто;
что как любовь большая не пройдет,
лишь эту связь я ощущаю остро.

11.06.17

Бревенчатый на перекрестке дом
раскатан был, и громоздились горы
строительного мусора, и лом
торчал, как чей-то перст.

У светофора

мигавшего предательским огнем
полночно-желтым я остановился.
Блестел асфальт, и отражались в нем
каскад огней и водоросли Стикса –
растяжки, перемычки, провода,
загадочные линии и пятна.
В чернильном небе вспыхнула звезда.
Я развернулся и пошел обратно.

Зиял провал.

Ни окон, ни дверей.

Гнилая дранка, ржавое железо.

Я сбавил шаг.

На груди кирпичей

взблеснула банка из-под майонеза.

Пошевелилась банка.

Что за бред?

Повсюду жизнь!

Должно быть, это крыса.

Играли блики и двоился свет.

Срывались капли с веток и карниза.

Перешагнул не знаю почему

какое-то бревно,

корыто,

камень.

И медленно приблизился к нему.
И взял его вот этими руками.

Щенка, кутенка.

Ну малец-мальцом!

Башку засунул в банку с голодухи.
Не «Провансале» пахнет, а - концом.
Опухла шея и застряли уши.
И что же это, Господи, прости!
Не вызволить его.

Двухсотграммовка

ошейником вонзилась до кости
хребтовой.

Нет не спекся полукровка:

глаза таращит, словно водолаз
промышленный, лишенный кислорода.
Я взял кирпич, он здесь лежал как раз,
и грохнул банку.

Вот она - свобода!

Он задышал, он ринулся, но вдруг
увидел я, что дела не доделал.
Разбилась банка, но не лопнул круг
стеклянный, толстый.

И, вонзившись в тело,

шипы, как бритва острые, щенка,
конечно бы, зарезали.

Я обод

нащупал, провернул его слегка.

И, замирая, поняли мы оба,
что эту ночь запомним навсегда.
Разбить кольцо? Но как не покалечить?
И мокла в небе яркая звезда.
И дрожь его унять мне было нечем.

А дальше что? И как теперь мне быть?
Одним ударом расколоть ловушку?
Одним, двумя...

Ведь можно перебить
хребет мальцу.

И цуцик не игрушка.
Да, так бывает.

Выдается ночь
промозглая.

Ты вместе с ним страдаешь.
По шерсти гладишь, силишься помочь.
Но как помочь и чем помочь не знаешь.
Ты рядом.

Не пытаешься сбежать,
загородиться от беды и боли.
Есть то, что предстоит тебе узнать:
покой глубокий, отрешенность что ли.

Уже не ты сожмешь в руке кирпич.
Уже не ты наметишь, где ударить.
Не ты, и предстоит еще постичь
кто?

Тонкий шов на стеклотаре
нащупаешь не ты, не ты, а - Он.

Не ты, а – Он,

не ты, а – Вседержитель.

Вся тварь замрет, когда раздастся звон
стекла, и Он прошепчет: «Веселитесь!»

И кости целы, и стеклянный плен
рассыпался, распался.

Бедный узник

бежал кряхтя, отряхивая тлен
с проворных лап.

Задал же деру Тузик!

Я выдохнул.

Да разве бы я смог
и силу рассчитать и направленье
удара страшного.

Но это может Бог,
когда Ему я уступлю мгновенье,
в котором жизнь вершится.

Превозмочь

смогу я смерть,

с Ним

связь

не перерезав.

Всё сделал Он.

И день создал, и ночь.

И банку эту из-под майонеза.

12.06.17

*«Святой Бернар зажмурился,
чтобы скрыть от своих глаз прекрасный вид
на швейцарские озера».*

Ф. Янси

Капустница порхала, цвел жасмин.
Мудрец молился: «Сжался, Господин!
Мне нужен Ты, а мир меня смущает.
И каждый шаг – изгнание из рая».
Кузнечик стрекотал и шмель гудел,
в ладонях растирая чистотел.
И на лугу отшельник задремал -
на миг забылся...

Долго среди скал
он шел, сбивая ноги.

На вершине
сверкнул дворец.

В него войти решил он.
Столы ломились, сплетничала знать.
Гостям хотелось всё на свете знать.
Наушничал придворный чародей,
а генерал победами кичился;
научный архивариус бранился
и сетовал на быстротечность дней.
В толпе он затерялся многолюдной.
«Я был всегда, я есть, я вечно буду;
я не рождался, я и не умру», -
твердил мудрец, скучая на пиру,
и тронул посох выцветший дорожный.

Но царь подслушал вздох неосторожный:
«Скучаешь ты? Какой же ты мудрец?
Нет, тайна мира от тебя сокрыта.
Ты принял одуванчики за свиту,
а луг цветущий принял за дворец».
Полуденный рассеивался сон.
«Ты принял море синее за трон,
но не приметил Господа на троне».
Очнулся путник и застыл

в поклоне.

27.06.17

Иду по лесу я, куда глаза
глядят, и где душа моя зачата...
Я вспоминаю то, чего не знал.
Я забываю всё, что знал когда-то.

Пока береза мягко шелестит,
пока меняет облако оттенок,
душа растёт, душе дано расти.
Всё преходяще, лишь она нетленна.

Подует ветер - завернется лист.
Вдруг закипит серебряная крона.
Безмерно это душу веселит!
Воистину, она одна бездонна.

Сквозит она, протерта до дыры.
Одна сияет в беспросветном мраке.
А сквозь нее во тьму летят миры.
И не потухнет только этот факел.

Где тайна создается души,
там тонких веток перевиты нити.
Вершина гнется, серебро дрожит...
Вы только шелестите, шелестите.

29.06.17

Сегодня ветрено и волгло.
Все кажется, что дождь пойдет.
Страна моя – в барашках Волга,
лиловый облака испод.

Два страха ты во мне взрастила:
бесправие царевых слуг
и русский бунт.

Приклад и вилы.
Не разомкнуть кровавый круг.

Два страха, два крыла над страхом
раскрыла: яблоневый цвет
и воскресаемый из праха
исконный, негасимый свет.

Страна моя – речные дали.
Своих детей не долюбив,
саму себя поймешь едва ли.
Темны пути твои без них.

Откос крутой, до неба ели.
Скромнее этой красоты
не видел я.

Да неужели
себя не разгадаешь ты?

7.07.17

Мы спрашиваем, спрашиваем строго
с большой страны, но в нас ее немного.
Мы к ней – спиной. И к нам она - спиной.
Да, мы достойны участи иной.

Как разговор о важном унижает,
о самом важном тех, кто уезжает,
кто выбирает, кто купил билет,
кто здесь еще, кого уже здесь нет.

Чужбина и достоинство как странно.
Открытая на семь столетий рана.
Но лишь подранен ты - не наповал.
Чужая слякоть - не лесоповал.

Не осуждаю, нет не осуждаю.
Я выбрал, я уже не выбираю.
Подует ветер, свежий лист сомнет.
Я с вам, с вами, вы - всегда со мной.

Едины мы, не может быть границы.
Но так ли там неистовствуют птицы?
Грошовый так ли радуется уют?
И так ли дали за душу берут?

Не осуждаю, нет не осуждаю.
На всех одно изгнание из рая.
Одна Земля и Небеса одни.
Но если ты к сосне щекой приник

и стал сосною этой, этим полем,
неярким светом, светлой этой болью,
то ты в раю, каким бы ни был рай...
Не спрашивай, а только отвечай.

14.07.17

Чувство святое нельзя оскорбить.
Нет, не бывает Господь поругаем.
Небо и море нельзя умалить.
Куст Моисеев горит, не сгорая.

Тайно свободен невидимый Бог.
Вынеся муку, возносится Слово.
Если ты крылья расправить не смог,
значит оковами ты зачарован.

Новую Землю всем сердцем открыть -
это и значит разрушить оковы...
Можно Всевышнего превозносить
тысячу раз, не узнав Его снова.

16.07.17

Мне кажется, лыжи наладил вчера я.
О, воздух еловый марийского края!

Мелькающих сосен сливаются мачты.
Мы призрачны снова, мы снова прозрачны.

Насмешливый рот, обмирающий, тонкий.
Заплечные наши крылаты котомки.

Мы самые легкие нынче на свете.
За рощу, бегущую мимо, в ответе.

Стоит между нами великая тайна.
И снег на ресницах искрится и тает.

Лежит перед нами слепящее поле.
Ни пуда не съели отмеренной соли.

17.07.17

Конец июля.

Пасмурно.

Штормит.

Еловый лес вздыхает грудью полной.
Пришпоренные южным ветром волны
о серый разбиваются гранит.

Как медленно заходит на вираж
морская чайка. Как неспешно режет
упругий теплый ветер побережья.
Как быстро превращается в мираж.

Бог в сердце, и оно просквожено.
Незримая в него влетает птица.
Бог в сердце, а у сердца нет границы:
оно везде,

во всём,

на всех одно.

2.08.17

И в этот миг душа в себя поверит:
горячие от солнца валуны,
могучая ольха, гранитный берег,
и неба вдоволь, и глаза влажны.

Волну взбивает ветер, поднимая
все выше изумрудный гребешок.
И воду ветка задевает краем.
И в синеве полощется листок.

Я братом становлюсь единокровным
всему, что есть; за всё держу ответ.
Шумит ольха под облаком огромным,
таким огромным, что меня и нет.

3.08.17

Всё льет и льет: ночь напролет гуляет
по кровле оцинкованной наждак.
Глядишь в окно, и сердце замирает:
речная даль за пеленой дождя.

Но ветра нет, и ласточка вприсядку
над самой гладью нарезает круг.
Мой младший сын, потягиваясь сладко
во сне, глаза распахивает вдруг.

Под каплями подрагивают листья,
один из них особенно дрожит...
Мне не открыть давно открытых истин.
Мне снова нужно сердце обнажить.

4.08.17

И снова дождь. А впрочем, впрочем, впрочем.
Я рад дождю. Как нам недостает
пробелов, умолчаний, многоточий,
ничем не примечательных длиннот
и верности себе. Еще не осень,
но стойкий ветер пожелтевший лист
срывает и за изгородь уносит.
Гремит и прогибается карниз.
Дождливый август выверяет гранки.
Полощется береза на юру,
посверкивая серебром изнанки.
А время продевает нить в иглу.
Век зачастит короткими стежками.
Ну а пока – замри, не шевелись.
Всё небо затянуло облаками.
Прикрой глаза и долго слушай жизнь.

6.08.17

Вот море подо мной.
А за спиной - скала.
И в тишине лесной
поют колокола.

Зари благая Весть.
Воды и неба гладь.
Пронзает всё, что есть,
незримая игла.

Она живых сердец
невидимый Исток.
А где она? Нигде.
А что она? Ничто.

Души с душою связь.
Прочнее нити нет.
Ничем не становясь,
над морем гаснет свет.

Не призрак, не обман -
шумит в горах листва.
И стелется туман,
из ничего восстав.

И не разъединить
тумана и горы.
Нанизаны на нить
единую миры.

Ты Свой являешь Лик
нам в этот строгий час.
И в этот вечный миг
Ты создаешь нас.

10.08.17

Я сбавил шаг и посмотрел поверх
вершин кедровых, взгляд поднялся выше.
Такая тишина, что слышу всех,
и отвечаю каждому неслышно.

И вдруг увидел целый небосвод;
и облако, поднявшее забрало;
и рыцаря, который даму ждет.
Но ничего она не обещала.

И в этой неотмирной тишине,
которую ничем нельзя нарушить,
смолчался с небом, и открылось мне,
как небо безответно любит душу.

24.08.17

Мне снился и не снился сон.
А если снился, то чужой.
И я запомнил хорошо
тебя, тревогу и перрон.

Кружился лист и я кружил.
И у начала всех начал
нашел я лук, нашел колчан.
На щебне стрелы разложил.

Не знало время, где пройдет.
Заденет ветку или нет?
Оно запутывало след.
Порою шло наоборот.

Состав гремел и скрежетал.
Тянулся уголь и кругляк.
Дрожала подо мной земля.
И я почти тобою стал.

Мои друзья. Твои друзья.
Какой-то дуб, какой-то дом,
но никогда я не был в нем.
И где же ты? И где же я?

Послала ты стрелу в зенит.
Стрела прошила толщу лет
и превратилась в пыль и свет.
Но тетива ещё звенит.

30.08.17

Господи, останови мои мысли.

Г. Померанц

1.

Заполыхал костер осенних красок.
И заблудился я среди осин.
В прожилках золотых багрово-красный
лист кружится. Виток, еще один.

И где бы ни был, что бы я ни делал
жизнь в Божьей длани, не о чем тужить.
И не беда, что время пролетело.
И тоньше, и прочнее стала нить.

Неспешный шаг быстрее приводит к Богу.
Не рассуждай, не думай ни о чем.
Рассеивая праздную тревогу,
лист кружится пронизанный лучом.

2.

Старинное искусство листопада:
невольно уподобиться листу,
следить за ним, не отрывая взгляда,
и перейти незримую черту.

В иных пределах мир окинуть оком:
прозрачный лес и самого себя.
Мне в пору всё, чем стану ненароком.
Я соткан из небесного огня.

Мы - звезды, вечность, осень золотая.

Мы - пламя. Ни прибавить, ни отнять.

Мы - тихий свет, светящаяся тайна.

И нам нельзя об этом забывать.

20.10.17